

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕКОНТРОЛИРУЕМОГО РОСТА АНОРМАЛЬНЫХ ДОХОДОВ

В статье рассматриваются социально-экономические последствия неконтролируемого роста аномальных доходов. Вводится понятие аномальных доходов как доходов, рост которых не связан с расширением производства реализуемой и потребляемой продукции, а также доходов от производства непотребляемой продукции. Автор доказывает, что неконтролируемый рост аномальных доходов стал одной из объективных причин социально-экономического и политического краха административно-командной экономики. Может он вызывать и глубокие социально-экономические кризисы в странах с рыночной экономикой.

Ключевые слова: аномальный доход, фиктивное производство, непотребляемая продукция.

Современная экономическая теория трактует доход предпринимателя как разность между выручкой от реализации продукции и издержками ее производства и реализации. Рост дохода обуславливается ростом производства и реализации продукции. В соответствии с данной трактовкой стремление к максимизации дохода становится главным стимулом экономического прогресса. Это представление базируется на том, что вся произведенная и реализованная продукция потребляется либо ее конечными, либо промежуточными потребителями. Из чего следует, что экономисты определяют доход как монотонно возрастающую функцию производства и реализации потребляемой продукции. Такие доходы мы определили как нормальные доходы.

Практика исторического развития показывает, что рост доходов может происходить даже в условиях стагнации и деградации

производства продукции, чему способствует монополизация рынка. Однако вопрос о возможности производства продукции, которую нельзя потребить, исследователями до сих пор не ставился. В экономической теории вся производимая и реализуемая в условиях рынка продукция априори считается потребляемой, начиная с марксистского определения товара как диалектического единства стоимости и потребительной стоимости.

На наш взгляд, производство непотребляемой продукции в рыночной экономике главным образом связано с производством оружия массового уничтожения. Его покупателем выступает государство, аккумулирующее деньги налогоплательщиков. Потребление такой продукции нацелено на самоуничтожение человечества. Необходимо добавить, что издержки производства оружия массового уничтожения, перекладываемые на общество, связаны не только с затратами на его разработку и совершенствование, они включают затраты на его хранение и утилизацию, а также разработку и производство средств доставки. Расходы на производство оружия массового уничтожения, как и доходы его производителей, включаются в расчеты (по расходам, доходам и добавленной стоимости) ВВП и ВВП стран, которые его производят. Возникает вопрос о социально-экономических последствиях роста таких доходов, эффективности распределения доходов и ограниченных ресурсов.

Доходы, рост которых не связан с ростом производства реализуемой и потребляемой продукции, а также доходы от производства и реализации непотребляемой продукции мы называем «анормальными доходами»¹.

Понимание необходимости минимизации роста анормальных доходов весьма проблематично. Оно требует анализа связанных с ним экономических, политических и социальных рисков. Исторически первым примером законодательного ограничения роста анормальных доходов явились антитрестовские законы, принятые в конце XIX – начале XX в. в США, ограничившие возможности повышения доходов производителей за счет манипуляций предложением продукции в условиях отсутствия роста ее производства и качества. Анализ рисков, связанных с ростом доходов производителей оружия массового уничтожения, весьма проблематичен в силу закрытости информации об объемах его производства, расходах на исследования, связанных с последним, и расходах на приобретение указанного оружия и средств его доставки. Однако можно предположить существование зависимости между ростом доходов производителей оружия массового уничтожения и ростом государственного долга США. Между тем оценить ее вероятность можно

только на основе корреляционного анализа указанных величин. Особенно важно проанализировать темпы роста «анормальных доходов». Если они ускоряются, опережая темпы роста ВВП, то риски социально-экономических кризисов возрастают.

Примером социально-экономических последствий неограниченного роста анормальных доходов и, в первую очередь, доходов производителей непотребляемой продукции, сопровождавшегося ростом коррупции, может служить крах советской экономики и СССР. Именно он, на наш взгляд, и стал одной из основных объективных причин краха.

Главной организационной характеристикой советской экономики, как известно, была централизация управления, обусловленная господством государственной собственности на средства производства. Централизованное управление осуществлялось посредством централизованного планирования (Госплан СССР) и централизованного распределения ресурсов (Госснаб СССР). Важнейшим условием нормального функционирования такой экономики является производство только потребляемой продукции. Производство непотребляемой продукции означало возникновение и нарастание дефицитов потребительских товаров и ресурсов, становясь объективной причиной кризисов недопроизводства². Основным звеном централизованного управления экономикой служило централизованное планирование – сознательное управление экономикой, то есть мышление, использующее абстрактные образы, реконструирующие реальность с помощью идеальных заместителей. Такими идеальными образами экономической действительности неизбежно становились экономические показатели производственной деятельности государственных предприятий. Органы управления, оперируя этими показателями, могли оценить работу предприятий только путем сопоставления информации об их деятельности с плановыми показателями, которые выполняли одновременно отчетную и директивную функции. Для производителей эти показатели выступали в виде отчета о результатах производственной деятельности, для системы управления – в виде средства руководства ею. Следствием стало сосредоточение руководства предприятия не на организации его эффективной деятельности, а на «том образе, который может сложиться у вышестоящего органа». В результате план, как идеальное отражение экономических процессов, отрывался от реальной основы: идеальный образ переставал соответствовать действительности. В условиях административно-командной экономики это означало «превращение его во внешнюю неконтролируемую

силу и по отношению к центру, и по отношению к основным производственным звеньям».

Возникла так называемая «плановая стихийность», проявлявшаяся в нарастании искажений экономической информации, принявших массовый характер. Например, плановые показатели незавершенного строительства в 1980 г. составляли 67% объема годовых инвестиций, в 1985 – 72%, а в 1989 – 74%³. По сути, незавершенное строительство означало «фиктивное производство». К концу 1990 г. объем незавершенного строительства в фактически действовавших ценах равнялся 205,5 млрд руб., увеличившись за год на 22,2 млрд руб.⁴ Стоимость сверхпланового незавершенного строительства в 1988–1989 гг. достигла 43 млрд руб.⁵ Только за строительно-монтажные работы, «омертвленные» в приросте сверхнормативного незавершенного строительства, было выплачено около 6 млрд руб. заработной платы, не имевшей товарного покрытия⁶. Рост плановых показателей незавершенного строительства означал, что плановая экономика, стимулируя рост аномальных доходов производителей за счет производства непотребляемой продукции, фактически превратилась в стихийную.

«Фиктивное» производство принимало и другие формы, примерами которых могут служить производство некачественной, нестандартной, нереализуемой продукции и приписки. Так, ежегодные потери от брака, по одним оценкам, составляли около 1 млрд руб.⁷, по другим – 4 млрд руб.⁸ Общая стоимость уцененных в 1986 г. товаров составила 3,8 млрд руб.⁹ По расчетам С. Головина и А. Шохина средняя оценка объема некачественных товаров широкого потребления в 1989 г. равнялась 7,2% объема розничного товарооборота СССР, или 25,4 млрд руб., причем за производство этой продукции было выплачено около 4,8 млрд руб.¹⁰

Следствием производства непотребляемой продукции, сопровождавшимся оплатой труда ее производителей, становилось фактическое уничтожение производственных ресурсов, неизбежный рост дефицита ресурсов и товаров широкого потребления, скрытая инфляция, темпы роста которой ускорялись по мере роста «фиктивного» производства. Причем величину скрытой инфляции практически невозможно определить. Косвенным свидетельством ее размеров может служить тот факт, что в 1989 г. на каждый рубль денежной массы, находившейся в обращении, приходилось 18 коп. товарной массы¹¹.

Еще одной специфической формой «фиктивного» производства стали т. н. приписки – искажение отчетности о результатах производственной деятельности. По оценке института экономики

АН СССР, в целом по стране приписки составляли до 3% стоимости произведенной продукции, а в сырьевых отраслях – от 5 до 25%¹². Результаты расследования т. н. «хлопкового дела» в Узбекской ССР показали, что к объемам производства хлопка-сырца было приписано 4,5 млн т, что позволило производителям выплатить 1,2 млрд руб. заработной платы. Приписки в 1988 г. были обнаружены на 1700 промышленных предприятий. По данным Минфина СССР, из 67 предприятий Миннефтепрома СССР, проверенных в 1988 г., на 55% (37) были выявлены приписки¹³. Приписки объемов произведенной продукции в сельском хозяйстве, по оценкам экспертов, составляли до трети произведенной продукции.

Следствием «фиктивного» производства стало не только фактическое уничтожение производственных ресурсов, неизбежный рост дефицита ресурсов и товаров широкого потребления наряду со скрытой инфляцией, но и аномальное перераспределение доходов производителей, сокращающее доходы производителей потребляемой продукции и увеличивающее доходы субъектов «фиктивного» производства. Это привело к исчезновению экономических и моральных стимулов не только высокопроизводительного, но и созидательного труда вообще. Отсутствие прямой зависимости между реальными результатами производственной деятельности и доходами производителей, в первую очередь выступавшими в форме заработной платы и премий, выплачиваемых за выполнение и перевыполнение плановых показателей трудовому коллективу, провоцировало производителей расширять производство, в том числе «фиктивное».

Если расширение производства в условиях рынка стимулируется возможностью получения экономической прибыли, то в административно-командной экономике его стимулом была возможность получения наиболее высокой оплаты труда. Дело в том, что оплата труда в условиях административно-командной экономики персонифицируется только как доход трудового коллектива, а не как издержки работодателя – государственного предприятия. Расходы на оплату труда перекладываются на государство и общество в целом. Расширение производственной деятельности, обуславливаемое стремлением производителей максимизировать оплату труда, служило интересам производителей, а не потребителей и общества в целом, что стало предпосылкой неравномерности и диспропорциональности экономического развития СССР, запустив процесс расширения производства ради производства. Примером такого расширения может служить деятельность Министерства водного хозяйства СССР. В 1975–1985 гг. затраты на водохозяйственное

строительство возросли с 5,6 до 6,1 млрд руб. В 1988 г. они составляли уже 7 млрд руб. Одновременно свыше 3 млн га орошаемых земель было выведено из оборота. Каждый пятый гектар орошаемых земель, общая площадь которых составляла 20,2 млн га, был засолен. Темп прироста засоленных земель в 1988 г. по отношению к 1980 г. составил 65%¹⁴. Производственная деятельность, превратившись в самоцель, стимулировала рост платежеспособного спроса населения, ускорявшего темпы роста скрытой инфляции, дефицита ресурсов и товаров широкого потребления, ускоряя превращение плановой экономики в неконтролируемый стихийный процесс. Суммарная оценка объема «фиктивного» производства только за 1988 г. колебалась от 370 до 400 млрд руб. ВВП СССР в том году составил 875 млрд руб. (в фактически действовавших ценах)¹⁵. Объем «фиктивного» производства колебался от 42 до 45,7% ВВП. Производство нереализуемой продукции в СССР не ограничивалось «фиктивным» производством. Оно также включало производство оружия массового уничтожения и средств его доставки, оценить объемы которого не представляется возможным в силу закрытости информации.

Как отмечалось выше, централизованное планирование в СССР дополнялось централизованным распределением ресурсов для осуществления планов производства продукции государственными предприятиями. Эту функцию осуществляли институты государственного материально-технического снабжения (Госснаб), выступавшие в качестве универсального поставщика ресурсов.

В условиях дефицита ресурсов, консервировавшего их натуральное распределение, распределитель начинал господствовать над производителем продукции – государственными предприятиями, попадавшими в зависимость от соответствия планируемых экономических показателей объемам выделяемых ресурсов. Распределительные отношения господствовали и над производством, и над потреблением. Создавалось представление, что и то и другое определяется распределением. Натуральное распределение ресурсов помимо вышесказанного означало совмещение функций обмена и обращения материально-вещественных факторов производства в руках институтов планирования и распределения, способствуя фетишизации их функций. Двойственность экономических показателей, порождавшая рост фиктивного производства и аномальных доходов производителей, и фетишизация функций планирования и распределения неизбежно вели к перерождению планового производства в неконтролируемый стихийный процесс. Командная экономика превращалась в «экономику торга», «эконо-

мику согласований»¹⁶, что подтверждают приведенные выше примеры корректировки планов незавершенного строительства. Такое превращение свидетельствует о фактическом выводе институтов управления из-под общественного контроля, преследовании ими собственных интересов, в первую очередь личного обогащения лиц, осуществлявших централизованное планирование производства и распределение ресурсов, что неизбежно порождало коррупцию.

Положение субъектов распределения ресурсов в административно-командной экономике носило двойственный характер. С одной стороны, гражданин – государственный служащий, доходы которого «жестко ограничены»¹⁷, с другой – распределитель ограниченных ресурсов, от решения которого зависит их поставка производителю, а значит, и выполнение им плановых показателей по производству продукции. Причем социально-экономическое положение такого субъекта практически не зависело от экономических результатов его распоряжений. То же самое в полной мере относится и к субъектам, осуществлявшим планирование производственной деятельности. Субъект планирования фактически превращался во внешнего управляющего, априори устанавливавшего требования к результатам производственной деятельности и способного изменить их, а субъект распределения – в монопольного поставщика («продавца») ресурсов. Доходы субъектов производства в отличие от субъектов планирования и распределения зависели от выполнения плановых показателей. Эта зависимость, в первую очередь, касалась оплаты труда. Поэтому поведение первых было направлено на «завоевание поставщика ресурсов», фактически превращавшегося в их бесконтрольно монопольного продавца. Производители были вынуждены оплачивать «выделение» ресурсов субъектам их распределения. То же самое происходило и в отношениях производителей с субъектами планирования: первые оплачивали вторым «корректировку плановых показателей». Поскольку такая плата системой управления экономикой была запрещена, ее основной формой стала взятка. При прочих равных условиях размер взятки зависел от степени дефицитности выделяемых ресурсов: чем выше их дефицит, тем больше надо будет дать. Поэтому субъекты планирования и распределения были заинтересованы в усилении их дефицита, что порождало создание искусственного дефицита. Она усилила тенденцию превращения плановой экономики в стихийную.

Рост коррупции в отличие от роста рассмотренных выше аномальных доходов и связанные с ним риски осознавался правящей элитой СССР. Однако попытки борьбы с ней ограничивались административными и законодательными мерами. Расширялось

количество контролирующих органов и круг их полномочий, ужесточалось законодательство. Базисные противоречия пытались решить надстроечными методами. Положение субъектов институтов контроля также было двойственным, как и положение субъектов планирования и распределения. С одной стороны, они являются государственными служащими, основная функция которых – защита интересов государства-собственника, с жестким бюджетным ограничением. С другой – потребители товаров, способные смягчить это ограничение, увеличив доход за счет использования служебного положения. Растущий дефицит и скрытая инфляция, превращавшие и ресурсы, и потребительские товары в форму общественного выражения богатства и способ сохранения личного располагаемого дохода, стимулировали его использование.

Таким образом, круг лиц, способных использовать служебное положение с целью увеличения личного располагаемого дохода постоянно расширялся. Как уже отмечалось, система управления экономикой, включая систему контроля, фактически не зависела от реальных результатов своей деятельности, а издержки ее содержания целиком перекладывались на общество. Получался заколдованный круг, вернее, раскручивавшаяся спираль: рост аномальных доходов, включая взятки, требовал ужесточения контроля, расширения полномочий контролирующей системы, приводившего к расширению самой системы. Итогом становился рост коррупции, разъедавшей систему управления, включая систему административно-юридического контроля. Мало того, должностистали рассматриваться с точки зрения степени их доходности, результатом чего стала повсеместная торговля должностями, в том числе в системе административно-юридического контроля¹⁸. Коррупционированность верхнего эшелона государственных служащих благоприятствовала сращиванию «клептократии» с верхним эшелоном представителей общеуголовной преступности, появлению мафиозных организаций. Наступил кризис правового сознания общества, ярким проявлением которого стал правовой нигилизм, резкий рост экономической и общеуголовной преступности.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что крах советской экономики был объективно предрешен базовыми принципами, положенными в основу ее организации. Внешние факторы, например, падение цен на нефть, начавшееся во второй половине 1980-х гг., лишь ускорили его.

Между тем рост аномальных доходов может провоцировать крушение не только административно-командной, но и рыночной экономики. Как уже отмечалось, объективное стремление

максимизировать прибыль производителями непотребляемой продукции, к которой мы отнесли оружие массового уничтожения, становится предпосылкой постоянного роста его производства. Это неизбежно влечет за собой рост государственных расходов, а значит, и государственного долга, размеры которых утверждаются законодательными органами власти в рыночной экономике. Ответственность должна быть убеждена в необходимости их увеличения. Этого проще всего добиться в условиях постоянных региональных конфликтов, которые, прежде всего, необходимы представителям военно-промышленного комплекса страны-производителя оружия массового уничтожения. Очевидным условием развязывания этих конфликтов будет их территориальная удаленность, что неизбежно повлечет дестабилизацию международных отношений, будет способствовать росту производства оружия, в том числе массового уничтожения, средств его доставки и средств защиты от возможности применения такого оружия другими странами. Кроме того, будут расти государственные расходы на подготовку и развязывание региональных конфликтов, что повлечет увеличение количества субъектов, вовлеченных в данный процесс.

Одновременно будет расти желание стран, стремящихся сохранить свой суверенитет и не имеющих подобного оружия, начать его производство, что в свою очередь еще больше будет накалять международную обстановку. Начнет раскручиваться спираль: рост аномальных доходов производителей оружия массового уничтожения и средств его доставки провоцирует рост числа региональных конфликтов, накаляя международную обстановку, ускоряя темпы роста этих доходов не только в тех странах, где оно уже производится, но и там, где, возможно, будет производиться в будущем. Вероятность расширения производства оружия массового уничтожения будет расти по мере разрастания региональных конфликтов. При прочих равных условиях чем выше будут темпы роста аномальных доходов, тем больше будет число производителей оружия массового уничтожения и соответственно выше вероятность его применения, что само по себе уже может привести к самоуничтожению человечества.

Примечания

¹ Сергиенко О.А. Аномальные доходы и пути их минимизации при переходе к рынку: Дис. ... канд. экон. наук. СПб., 1992. С. 12.

² Новожиллов В.В. Недостаток товаров // Вопросы развития социалистической экономики. М., 1972. С. 67.

- ³ Волчков Н.А., Горланов Г.В., Максимов С.Н., Рязанов В.Т. Хозяйственный бюрократизм и пути его преодоления. Л., 1989. С. 129.
- ⁴ Народное хозяйство СССР в 1990 г. М.: Финансы и статистика, 2000.
- ⁵ О повышении эффективности капитальных вложений и совершенствовании хозяйственного механизма в строительстве // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1.
- ⁶ Народное хозяйство СССР в 1990 г.
- ⁷ Известия. 1986. 31 июня.
- ⁸ Реальные доходы населения. М., 1989. С. 175.
- ⁹ Стрельцов Е.Л. Уголовно-правовая борьба с нетрудовыми доходами: генезис, квалификация, профилактика. Киев, 1988. С. 146.
- ¹⁰ Головин С., Шохин А. Теневая экономика: за реализм оценок // Вопросы экономики. 1990. № 1. С. 54.
- ¹¹ Осипенко О.В. Лабиринты теневой экономики. М., 1990. С. 7.
- ¹² Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 44.
- ¹³ Советские финансы и бухгалтерский учет // Бухгалтерский учет. 1988. № 5. С. 7.
- ¹⁴ В зеркале статистики. Сельское хозяйство // Политическое самообразование. 1989. № 6. С. 13.
- ¹⁵ Народное хозяйство СССР в 1990 г.
- ¹⁶ Авен П.О., Широкин В.М. Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований // Известия СО АН СССР. 1987. № 13. Серия «Экономика и прикладная социология». Вып. 3. С. 34.
- ¹⁷ Корнаи Я. Дефицит. М., 1990. С. 323–325.
- ¹⁸ Меньшиков С.М. Советская экономика: катастрофа или катарсис? М., 1990. С. 114.